

ВРЕМЯ В ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОРОДСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

1

Впервые с упорядоченным фактором времени как формой протекания всех земных и внеземных процессов, то есть с календарями и часами для определения больших и малых промежутков времени, Россия познакомилась еще до Петербурга. Например, первый печатный календарь был издан Иваном Федоровым еще 5 мая 1581 года. Календарь предназначался для определения последовательности церковных праздников, постов и соответствующих им богослужений. Календарь был в полном смысле церковным и, по определению, не мог использоваться в повседневном быту. До гражданского календаря оставалось еще более столетия. Он появился только в 1709 году под названием: «Календарь или месяцеслов христианский. По старому стилю или исчислению на лето от воплощения Бога Слова 1710. От миробытия 7217. Напечатан в Москве, лета Господня 1709. Декабря в день». Кроме собственно временной информации, в нем можно было найти полезные советы на каждый день. Из него можно было узнать, когда пускать кровь или брить бороду, когда «брак иметь» или шить новый наряд, когда строить новый дом или начинать войну, когда мыться в бане или отнимать младенцев от материнской груди, когда заготавливать дрова на зиму и многое другое, включая астрологические «предзнаменования действ на каждый день».

Считается, что автором этого «народного», или «столетнего», как его называли, календаря является блестящий математик и астроном, один из ближайших сподвижников Петра I Яков Вилимович Брюс. Он был сенатором и президентом Мануфактур- и Берг-коллегии, и в его ведении находилась Московская гражданская типография. Вероятно, поэтому фольклор приписывает Брюсу авторство календаря. С его именем он остался в истории: «Брюсов календарь». Между тем, согласно одной малоизвестной легенде, Брюс к нему не имел никакого отношения и в лучшем случае, как мягко выражаются некоторые исследователи, «принимал участие в его составлении», что при ближайшем рассмотрении оказывается обыкновенным редактированием. Настоящим составителем календаря является библиотекарь и книгоиздатель Василий Киприянов. Календарь пользовался в народе большой популярностью и был настольным справочником для земледельцев. Достаточно сказать, что «Брюсов календарь» регулярно издавался и переиздавался в течение 200 лет.

Наум Александрович Синдаловский родился в 1935 году в Ленинграде. Исследователь петербургского городского фольклора. Автор более двадцати книг по истории Петербурга: «Легенды и мифы Санкт-Петербурга» (СПб., 1994), «История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах» (СПб., 1997), «От дома к дому... От легенды к легенде. Путеводитель» (СПб., 2001) и других. Постоянный автор «Невы», лауреат премии журнала «Нева» (2009). Живет в Санкт-Петербурге.

Издание «Брюсова календаря» формально завершало начатую Петром I задолго до этого календарную реформу. Еще 9 декабря 1699 года Петр издал указ, согласно которому с 1700 года праздник Нового года в России стали отмечать не 1 сентября, а 1 января, а очередной год отсчитывали не от сотворения мира, а от Рождества Христова. «Подобно всем европейским государствам» и «по примеру всех остальных христианских народов», как говорилось в указе. На Новый год Петр повелел жечь костры, пускать фейерверки, украшать дома вечнозелеными елками и поздравлять друг друга с Новым годом и наступлением нового столетия. Торжества длились с 1-го по 7 января и заканчивались крестным ходом. Надо сказать, что после смерти Петра обычай украшать дома елками сохранили только трактирщики. Входы в свои заведения они продолжали оформлять елками, не снимая их в течение целого года. Понятно, что елки осыпались и через какое-то время представляли собой колючие палки. Говорят, отсюда пошло выражение «елки-палки». Со временем горьких пьяниц на Руси стали дразнить: «Елкины».

От Петра, если верить легендам, пошел на Руси и Дед Мороз. Будто бы обнаружив указ о праздновании Нового года, Петр пошел проверять его исполнение. И обнаружил одного ослушника — какого-то пьяного боярина. Велел одеть его в шутовской наряд и приказал ходить по домам и напоминать о его царском указе. Так будто бы и зародилась традиция Дедов Морозов.

Забегая вперед, скажем, что на самом деле «немецкий» обычай празднования Нового года с елкой появился только в 1817 году по инициативе супруги будущего императора Николая I, в то время великой княгини Александры Федоровны, урожденной принцессы Фредерики Луизы Шарлотты Вильгельмины Прусской. Домашняя елка была устроена в личных покоях императорской семьи, сначала в Москве, а на следующий год — в Петербурге, в Аничковом дворце. Елочки были миниатюрными, ставились на столе и в народе назывались «немецкими». Если верить фольклору, именно это обстоятельство повлияло и на запрет новогодних елок в 1916 году. Шла Первая мировая война, и в Саратове будто бы решили устроить елку для немецких военнопленных. Это вызвало массовый протест патриотически настроенных православных граждан, что тут же нашло положительный отклик в Синоде, и новогодние елки запретили.

В советское время празднование православного Нового года и Рождества считалось буржуазным пережитком, и елка вернулась в новогодние праздники только в середине 1930-х годов.

Трудно сказать, что более повлияло на отношение петербуржцев к годовому календарному циклу — суровые климатические условия севера или календарная реформа Петра, но, судя по городскому фольклору, интерес к смене времен года в Петербурге всегда был едва ли не повышенный.

Предвечерней порой
Музыкальный каскад.
Августовский пароль —
Стрекотанье цикад.
И горчинкою в скорбь
Одиночества вдов
Барабанная дробь
Перезревших плодов.
Завершая полет
Под жужжание пчел,

Лето к осени льнет,
Словно к берегу челн.
Все приходит к концу.
Все вразнос. И всерьез.
Лишь на крыльях стрекоз
Время мчит по кольцу. *

Из всех крупнейших городов мира, население которых превышает один миллион человек, Петербург — самый северный. Он находится на 60-й параллели, расположен севернее Новосибирска и Магадана и всего на два градуса южнее Якутска. 60-я параллель, по мнению многих ученых, считается «критической для существования человека». Как утверждают специалисты, именно здесь возникает «крайнее напряжение ума и психики, когда границы существования, сон, бред, лихорадка, границы этого мира и мира потустороннего, иного — все двоится» и начинается «искушение разума и искушение разумом», способствующее развитию неврозов и некоего «шаманского комплекса». На протяжении всей своей истории петербуржцы шутили: «Климат в Петербурге таков, что большая часть петербуржцев, не успев родиться, торопится поселиться где-нибудь в здоровой сухой местности», и дальше идет перечисление петербургских кладбищ: Смоленского, Волковского, Митрофаньевского и так далее. Что ж, «если вы хотите видеть в Петербурге лето, а в Неаполе зиму, оставайтесь лучше во Франции», — советовал своим соотечественникам Александр Дюма, посетивший однажды Петербург. Сами петербуржцы, правда, не столь категоричны, но и они не спорят с очевидными фактами: «Климат в Петербурге хороший, только погода его портит», — утверждают они.

Далеко не случайно, что древние государства, владевшие территориями вокруг непроходимых гнилых болот Приневской низменности, на протяжении многих веков к их освоению относились с известной осторожностью. Достаточно напомнить, что Великий Новгород за шесть столетий обладания невскими берегами не предпринял ни одной попытки основать здесь город или крепость. Отдельные сторожевые посты на пути «из варяг в греки» не в счет. Да и Петр I, как мы знаем, первоначально пытался выйти в Европу через Черное море. Только в 1700 году он решается на объявление войны Швеции за возвращение исконно русских приневских земель. И то, надо признать, что Петр скорее рассчитывал на овладение уже существовавшими портовыми приморскими городами: Таллином, Ригой или Нарвой, нежели на строительство нового.

Не последнюю роль в выборе такой стратегии играл климат Приневья, о котором еще до основания Петербурга говорили: «Здесь Сибирь сходится с Голландией». А едва город появился, как тут же возникла первая поговорка, в которой была принята попытка сформулировать отношение к среде обитания: «С одной стороны — море, с другой — горе, с третьей — мох, а с четвертой — ох».

Границы времен года в Петербурге так размыты и неопределенны, что за 300 с лишним лет существования города в фольклоре сложился целый цикл пословиц и поговорок, каждая из которых способна еще больше запутать питерский календарь: «В Петербурге три месяца зима, остальное — осень»; «Поздняя осень Петербурга, незаметно переходящая в раннюю весну»; «Лето в Петербурге короткое, но малоснежное»; «В Петербурге лета не бывает, а бывает две зимы: одна белая, другая зеленая». Японский путешественник, посетивший Россию в XVIII веке, с изумлением писал на родину, что «землетрясения в Петербурге случаются редко и что

* Автор стихов, отмеченных знаком *, — Н. А. Синдаловский.

императрица отправляется весной в Царское Село, чтобы полюбоваться снегом». Дежурную тему петербургского климата подхватывают современные частушки:

В нашей северной столице
Самый модный — серый цвет,
Он и в небе, и на лицах,
И другого цвета нет.

У природы нет плохой погоды.
В Петербурге ж много лет
Замечаем всем народом,
Что погоды вовсе нет.

Вот бегут спокойно воды
Переполненной Невы —
Ждем у моря мы погоды,
Но погоды нет, увы.

Хорошо тому живется,
Кому солнышко смеется!
В Петербурге ж по полгода
Прячут солнце от народа.

Петербургские дожди — это постоянная примета городского быта. С началом дождя мало кто стремится укрыться под крышей. Чаще всего это так называемая «питерская моросевка», при которой даже дети радостно восклицают: «Мама, давай не побежим, ведь мы же петербуржцы». Дожди стали местной достопримечательностью. О них рассказывают анекдоты. Приезжий спрашивает у петербуржца: «А есть ли у вас какие-нибудь местные приметы, по которым вы предсказываете погоду?» — «Конечно, есть. Если виден противоположный берег Невы, значит, скоро будет дождь». — «А если не виден?» — «Значит, дождь уже идет». Есть в Питере и другая отличительная черта: «Везде дождь идет из туч, а в Петербурге из неба».

Кроме непросыхающей слякоти под ногами и непрекращающегося дождя над головой, Петербург славен своими ветрами, до 50 процентов которых всегда западные и северо-западные. Петербургский ветер обладает странным мистическим свойством. Его ощущение на собственном лице постоянно, независимо от направления вашего движения. В городском фольклоре это обстоятельство сформулировано давно: «В Петербурге всегда ветер, и всегда — в лицо».

Лето в Петербурге короткое и жаркое. Как пошутил один приятель поэта Михаила Светлова, «в Ленинграде жарко. 25 градусов. Еще 15, и можно пить». Но эта жара продолжается так недолго, что петербуржцы на вопрос: «А лето в вашем Петербурге в этом году было?» — вправе ответить: «Да лето было. Только я в тот день работал».

В середине XIX века зимой на центральных улицах Петербурга устанавливались легкие дощатые павильоны, в центре которых разводили костры. Вокруг них, греясь, попивая сбитень и балагурия, собирались извозчики в ожидании своих хозяев после ночных балов и вечерних спектаклей. Про такие костры язвительные петербургские пересмешники говорили: «Сушить портянки боженке». Иностранцы, во множестве посещавшие Петербург, с восторгом рассказывали своим соотечест-

венникам, что зимой в России так холодно, что «русские принуждены топить улицы — иначе бы, дескать, им и на улицу нельзя выйти».

Впрочем, в конце концов и в Петербурге наступало время, когда в атмосфере возникло всеобщее радостное предощущение весны. С главных улиц и площадей города исчезали характерные атрибуты петербургских зим. По воспоминаниям художника Мстислава Добужинского, в конце зимы «целые полки дворников в белых передниках быстро убирали снег с улиц». Среди петербуржцев это называлось: «Дворники делают весну в Петербурге». Затем начинался торжественный проход по Неве ладожского льда, или «ладожских караванов», как называли петербуржцы неторопливо проплывающие между гранитными берегами ледяные глыбы. Они вселяли окончательную уверенность в приходе долгожданной весны. В петербургский климат ледоход вносит некоторые изменения. Среди обывателей живут давние питерские приметы: «Пойдет ладожский лед — станет холодно», и в то же время: «Ладожский лед прошел — тепло будет».

На эту счастливую пору приходятся знаменитые петербургские белые ночи. На самом деле белые ночи — явление природы, характерное для светлых ночей Северного и Южного полушарий земного шара на широтах, превышающих 60 градусов, когда солнце в полночь опускается под горизонт не более чем на семь градусов. В Петербурге белые ночи формально начинаются 25 мая и продолжаются до 20 июля. При этом к середине периода долгота дня достигает продолжительности чуть ли не 19 часов. Остальные пять часов суток равномерно распределяются между прозрачными сумерками и радужными рассветами.

Для Петербурга такой переход от короткой весны к столь же непродолжительному лету — акт величайшего великодушия природы. Петербуржцы с восторгом говорят о белых ночах, даже не отдавая себе отчета в том, что уже давно монополизировали это уникальное явление природы, хотя, повторимся, оно хорошо знакомо на значительной территории обоих полушарий земного шара. Характерным примером такой восторженности могут служить частушки:

Бела ночь над Ленинградом,
Белая-пребелая.
Даже слезы льются градом,
Что же ты наделала!

Ночи белые настали,
И душа у нас поет.
Миражом наш дивный Питер
В белом мареве плывет.

По Неве плывет баржа,
Вся команда — два ежа...
...А кому какое дело,
Что приснится ночью белой.

Словосочетание «Белая ночь» давно стало крылатым и многозначным. Еще в XIX веке известный исследователь русской фразеологии М. И. Михельсон в работе «Ходячие и меткие слова» дает иносказательное значение этой идиомы: «Белая ночь» — в смысле «бессонная ночь». В то же время, если верить одному из пушкинских героев, «в Петербурге нравственность гарантирована тем, что летние ночи светлы, а зимние холодны». В низовой фольклорной культуре использование фра-

зеологизма «Белая ночь» приобрело еще более расширительный и постоянный характер. В трудные, кризисные или стрессовые периоды существования города принято было говорить: «Белые ночи и черные дни Ленинграда». Ленинградцам памятливы годы, когда для сохранения месячного фонда рабочего времени при пятидневной трудовой неделе одна из четырех суббот в месяц объявлялась рабочей. Тогда Ленинград называли «городом белых ночей и черных суббот». «Белыми ночами» в обиходе называют бледный, испитой, слабозаваренный чай. В 1960-е годы среди ленинградцев получил распространение коктейль из коньяка и шампанского, который окрестили «Белая ночь». Причем в зависимости от долевого участия того и другого компонента коктейль мог быть трех категорий, хорошо понятных как по ту, так и по другую сторону буфетных стоек: «Белая ночь-I», «Белая ночь-II» и «Белая ночь-III».

Надо сказать, в стремлении монополизировать белую ночь петербуржцы добились невероятных успехов. Они уверены, что даже французы специально для петербургских белых ночей придумали термин «серый жемчуг», по-французски: «gris perle», что в буквальном переводе означает «жемчужно-серый цвет». И, наконец, самое невероятное. Если верить словарю русских личных имен Н. А. Петровской, изданном в 1966 году, Белая Ночь — это женское имя. Остается надеяться, что в данном случае белая ночь — петербургская.

В начале XX века в Москве вышел двухтомник «Опыт русской фразеологии» уже известного нам М. И. Михельсона, в котором автор, наряду с другими устойчивыми фразеологизмами дает и такие понятия, как «петербургский климат» — в смысле «нехороший, нездоровый» — и «петербургская погода» — в значении «нездоровая, переменчивая». Это давнее наблюдение время от времени подтверждается фольклором весьма отдаленных от Петербурга регионов. Однажды на Кавказе автору этих строк довелось выслушать традиционное признание горцев в любви к их ленинградским братьям. Сделано это было в обыкновенной фольклорной форме: «Любим мы вас, ленинградцев, но никак не можем понять, как вы живете на одну зарплату и дышите не воздухом, а водой». Если бы они еще знали, что в XIX веке рафинированные предки этих самых невзыскательных ленинградцев не только предпочитали душному летнему городу влажную прохладу болотистого балтийского взморья, но еще и кичились этим! В петербургском фольклоре сохранилась пословица: «Подышать сырым воздухом Финского залива». Понятно, что здесь больше насмешливой самоиронии, чем медицинского смысла, и петербуржцы на этот счет не заблуждались. «Жить в Петербурге и быть здоровым?!» — успокаивают они сами себя, и кашель на память о петербургской погоде называют «сувенир из Петербурга».

Надо отметить, что при всем при том истинные петербуржцы всегда находили очарование даже в таком времени года, как осень. И когда она наступала, они с нетерпением ловили всякую возможность походить по вытканному золотом ковру опавших листьев в пригородных садах и парках. По воспоминаниям Д. С. Лихачева, среди петербуржцев это называлось «пошуршать листвой».

Иногда оценка петербургского климата приобретает легкую политическую окраску. Придавать особенное значение этому не следует. Так уж случилось исторически, что абсолютная, полярная противоположность петербургского морского климата и московского континентального, олицетворявшего в глазах петербуржцев восточную, азиатскую составляющую вековых традиций России, всегда являла собой известный соблазн для рискованных противопоставлений как в Москве, так и в Петербурге: «В Москве климат дрянь, в Петербурге еще хуже».

Но если смена времен года, как правило, вызывает в человеке радостное чувство ожидания перемен: зимой — весны, летом — сбора урожая, осенью — времени

свадеб и отдыха, то приближение конца одного и начала нового столетия вызывало чувство тревоги, а то и страха. Город будоражили старые и возникали новые пророчества о неминуемом конце Петербурга. Особенно популярным на рубеже XIX и XX столетий было пророчество одной итальянской предсказательницы о мощном землетрясении, во время которого дно Ладожского озера поднимется, и вся вода колоссальной волной хлынет на Шлиссельбург, а затем, все сокрушая и сметая на своем пути, достигнет Петербурга. Город будет стерт с лица земли и сброшен в воды залива.

Чувство страха за Петербург обострилось и на рубеже XX и XXI веков, тем более что по времени это совпало с подготовкой к 300-летию юбилею Санкт-Петербурга — границе существования Северной столицы, как это предсказывали пророки и предсказатели XVIII столетия. Конечно, можно списать это на особенность человеческой психики, связанную с тревожным ожиданием переходных границ календарных циклов и круглых юбилейных дат, но вот что произошло в современном Петербурге на рубеже XX и XXI веков.

В новогоднюю ночь с 2000-го на 2001 год мистическая аура Петербурга, и без того опутанная тысячами невидимых таинственных нитей, вновь властно заявила о себе. Причем самым невероятным образом. Во время праздника встречи третьего тысячелетия на Дворцовой площади от случайного попадания петарды загорелись строительные леса вокруг колесницы Славы на Арке Главного штаба. Пожар удалось ликвидировать, но мистика на этом не закончилась. Через две недели, в середине января 2001 года, на уличных рекламных щитах появились громадные постеры «Петербург встречает новое тысячелетие». На плакате художник изобразил ту самую колесницу Славы в ярком зареве пожара. От шока петербуржцы оправились только после более или менее внятного разъяснения властей. На самом деле, заявили они, это не зарево пожара, а сияние солнца, в лучах которого мчится символическая колесница славы Петербурга. Да и сам плакат, оправдывалась городская администрация, был заготовлен заранее, еще осенью 2000 года, выбран из нескольких вариантов и должен был предстать перед горожанами еще до Нового года, но в результате технических сложностей появился только в январе. Конфликт вроде бы был исчерпан, но легко себе представить смятение обывателя, появившись это мистическое предупреждение накануне пожара.

Таинственной мессы,
Значительней премий
Время и место,
Место и время.
Выбрать непросто,
Влево ли, вправо.
Место для роста,
Время для славы.
Громкие речи.
Манерные жесты.
Время не лечит,
Красит не место.
Времени тесно
Между веками,
Где, как известно,
Разбросаны камни.
Всему свой черед.
По камням, спотыкаясь,

Время идет,
 Согрешая и каясь.
 Время фатально
 И необратимо.
 Вечная тайна,
 Скользящая мимо.
 Время что семя
 В землю, как в тесто.
 Вечное время
 На вечное место.
 Кипящие вены
 Жгут манифестом.
 Символы веры —
 Время и место. *

2

Как и история календарей, история первых уличных часов в Петербурге началась до Петербурга, в Москве в 1692 году, когда на одной из важнейших московских торговых дорог по воле Петра I развернулось строительство высокой башни с трехъярусным восьмигранным верхом. Башню назвали Сухаревой, в благодарность полковнику Лаврентию Сухареву, чей полк встал на защиту Петра во время Стрелецкого бунта. Для придания башне более торжественного вида Петр велел установить на ней часы, специально для этого заказанные в Голландии. Часы на Сухаревой башне пробыли недолго. В 1710 году по повелению того же Петра голландские часы сняли и отправили в Петербург.

В то время в Петербурге был заложен собор в память победы над шведами под Выборгом. Назван он был в честь Святой Троицы, празднование которой в тот год пришлось на день основания Петербурга. В Петербурге собор называли «Петровским». Долгое время он был главным храмом новой столицы. Важнейшие государственные акты при Петре были так или иначе связаны с Троицким собором. Здесь объявлялись царские указы. Перед собором устраивались смотры и парады войск, народные гулянья и маскарады. В 1721 году здесь проходили грандиозные торжества по случаю окончания Северной войны и заключения мира со Швецией. Здесь Петру был пожалован титул императора.

На колокольне собора, увенчанной высоким шпилем, были укреплены часы, снятые с Сухаревой башни в Москве, — акт глубоко символический. Московские часы стали отмерять петербургское время. В то время это были единственные часы в городе.

Собор несколько раз горел. Его восстанавливали, каждый раз изменяя первоначальный облик. Последний раз его заново отстроили после пожара 1913 года. Причем интересно, что ремонт происходил уже в советское время, в 1928 году. Но через пять лет, в 1933 году, его окончательно закрыли и в том же году снесли.

В настоящее время разрабатываются несколько проектов восстановления Троицкого собора. Если это случится, то, надо надеяться, мы увидим и первые петербургские уличные часы. Или, если они не сохранились, их аналог.

Важно отметить, что это были не только первые уличные часы, но и в полном смысле слова единственные часы. Ни других общественных, ни тем более, за очень редким исключением, личных хронометров в тогдашнем Петербурге не было. Время определялось по солнцу, по звону церковных колоколов, приглашающих на утренние, дневные и вечерние службы, по фабричным и заводским гудкам, извеща-

ющим о начале и конце рабочего дня. Существовали и другие методы определения времени, выработанные вековыми человеческими практиками, включая такие экзотические, как цвет неба. Но какими бы ни были эти способы, все они давали весьма приблизительное представление о времени.

Между тем стремительное течение повседневной деловой и общественной жизни новой столицы настоятельно требовало более точного представления о времени. Вопрос стоял настолько остро, что им пришлось заняться Академии наук. Идея полуденного выстрела для уточнения времени пришла в голову французскому астроному, академику Российской академии наук Жозефу Никола Делилю. В 1735 году он предложил в полдень производить выстрел от Адмиралтейства по сигналу из обсерватории на башне Кунсткамеры. Однако, как это водится в России, от предложения до реализации прошло немало времени. Только 6 февраля 1865 года по старому стилю из центрального двора Адмиралтейства прозвучал первый пушечный выстрел, возвещавший наступление полудня.

С 1872 года по аналогии с Петербургом традиция полуденного пушечного выстрела закрепилась в Кронштадте, а осенью того же года сигнальную пушку в Петербурге перенесли из Адмиралтейства в Петропавловскую крепость. Этим актом была отдана дань традиции, существовавшей с лета 1703 года: пушка на Государевом бастионе Петропавловской крепости ежедневно сообщала о начале и окончании работ. Под пушечный залп поднимали и опускали государственный флаг. Пушка сообщала петербуржцам о подъеме воды в Неве во время наводнений, о начале городских торжеств и церемоний, о вскрытии льда по весне и о прочих важных общегородских событиях и явлениях, включая встречи царя после долгого отсутствия в столице и рождение наследника.

Между тем за более чем 300 лет существования Петербурга вокруг полуденного выстрела возник целый цикл городского фольклора, если верить которому, традиция выстрела из вестовой пушки зародилась в Кронштадте. Будто бы однажды, прибыв в Кронштадт для решения исключительно важного дела, Петр потребовал к себе главного подрядчика на строительстве крепости. Но тот, как назло, оказался на обеде. «Хорошо, — проговорил Петр, — подождем, пока он отобедает». Когда тот наконец явился, царь вызвал другого строителя. И услышал ответ: «На обеде он, государь». — «Ладно, потерпим», — едва сдерживая ярость, проворчал Петр. Но когда эти двое предстали перед царем, оказалось, что и третий человек, который был нужен Петру, только что ушел перекусить. «Да что же это такое! — в сердцах воскликнул Петр. — Пусть же отныне все обедают одновременно. А чтобы никто не смог перепутать время обеда, впредь пусть с крепостной стены пушка палит. Это и будет время обеда».

25 октября 1917 года пушечный залп с Нарышкина бастиона стал сигналом к выстрелу крейсера «Аврора», возвестившего начало Октябрьского вооруженного восстания. Говорят, революционные матросы ворвались в крепость в поисках орудий для штурма Зимнего дворца. Старый пушкарь пытался убедить нетерпеливых революционеров, что вся крепостная артиллерия изношена, что пушечные стволы не выдержат стрельбы и вдребезги разлетятся. Да и тавота для смазки стволов в крепости не оказалось. Матросы нервничали. Времени оставалось мало, и они потребовали, чтобы старик приготовился стрелять. Когда старый солдат понял, что отвертеться не удастся, он бросился в солдатский гальян, зачерпнул ведро фекалий, смазал им ствол пушки и, таясь от матросов, заложил холостой заряд. Последовала команда, и, как утверждает легенда, прогремел... сраный залп революции.

Начиная с 1873 года полуденный выстрел, или «невский гром», как его называли в народе, гремел ежедневно. Коменданты Петропавловской крепости гордились

этим обычаем и сложившимся вокруг него церемониалом. Но они же подвергались жесточайшему остракизму для записных острословов, коими был богат салонный Петербург. Сохранился анекдот о генерал-адъютанте, сенаторе, коменданте Петропавловской крепости Павле Яковлевиче Башуцком, который, по свидетельству современников, являл собою удобную мишень, всегда готовую для развлечения великосветской знати. Особенно любили посмеяться над ним в присутствии государя. Да и сам император редко лишал себя удовольствия пошутить над комендантом. Правда, трудно было предугадать, чем эта шутка могла закончиться. Башуцкий был на редкость простодушен и наивен. Однажды подобную шутку позволил себе известный петербургский острослов Александр Львович Нарышкин. Во время какого-то высокаторжественного обеда, когда весь двор только что сел за парадный стол, а Башуцкий стоял у окна с платком в руках, чтобы подать сигнал, «когда придется виват из крепости палить», мимо него проходил Нарышкин. Заметив важную позу коменданта, Нарышкин сказал ему: «Я всегда удивляюсь точности крепостной пальбы и, как хотите, не понимаю, как это вы делаете, что пальба начинается всегда вовремя». — «О, помилуйте, — отвечал Башуцкий, — очень просто! Я возьму да махну платком вот так!» И махнул взаправду, и поднялась пальба, к общему удивлению, еще за супом. А самое смешное было то, что Башуцкий не мог понять, как это могло случиться, и собирался после стола «сделать строгий розыск и вызыскать с виновного».

Сохранился анекдот и о взбалмошном и непредсказуемом императоре Павле I. Согласно анекдоту, однажды ночью Петербург был разбужен пушечными выстрелами из Петропавловской крепости. Наутро удивленным горожанам специальным бюллетенем было объявлено, что ночной салют был устроен по случаю очередной победы суворовской армии в Италии. Смущала, правда, вкраившаяся ошибка: «местечко, возле которого якобы произошло сражение, назвали не итальянское, а французское». Считалось, что народ поверил, хотя весь Петербург говорил о том, что Павлу будто бы понравилась хорошенькая прачка, и восхищенный ее уступчивостью император приказал салютовать в ее честь залпами крепостных орудий.

В середине 1930-х годов полуденные выстрелы прекратились. Фольклор связывает прекращение традиционной пальбы со стен Петропавловской крепости с убийством Кирова. Крепостная гаубица действительно надолго замолчала после трагического для всего Ленинграда 1934 года. По одной из версий, имеющей, скорее всего, официальное происхождение, это совпало с началом работы радиостанции «Маяк», с его сигналами точного времени. Вроде бы выстрел из пушки оказался просто ненужным. По мнению же ленинградцев, «Маяк» тут вовсе ни при чем. Просто Сталин никогда не любил Ленинград, постоянно напоминавший о своем революционном прошлом, и только Кирову, имевшему «большой авторитет в ЦК», удавалось защищать «петропавловский ритуал», от которого, вероятно, каждый раз вздрагивал Иосиф Виссарионович. Это и понятно. Известен анекдот. Приезжий спрашивает: «Почему у вас пушка стреляет?» — «Как, вы не знаете? Леонид Ильич приехал». — «Так ведь и вчера стреляла». — «Значит, не попала».

Традиция полуденного выстрела была восстановлена только после смерти Сталина, в 1957 году. Угроза прекращения полуденных выстрелов возникла еще раз в начале 1990-х годов. Тогда, если верить легенде, в наличии у пушкарей осталось всего несколько снарядов, а средств на приобретение новых не было вообще. Спас командир расчета, который заявил, что если новые демократические власти Петербурга не выделяют средства для обеспечения ежедневных выстрелов, то последний заряд он направит в сторону Смольного. Вроде бы подействовало. Так, если верить фольклору, питерская традиция не была прервана.

Эко, царская игрушка
Из лафета и ствола.
Чтобы точно, как из пушки,
Жизнь размерена была.
Чтоб вставали по сигналу
И ложились по нему.
Чтобы жить Россия стала
По уставу. По уму.
Эту царственную лепость
Сохраняет с тех времен
Петропавловская крепость
И Нарышкин бастион.
И дороже всяких истин
Среди мирной тишины
Ежедневно слышать выстрел
С Петропавловской стены.
Век игры и лицедейства.
Мир как театральный зал.
К Богу шпиль Адмиралтейства.
В Бога — выдуманный залп.
Мы, охочие до зрелищ,
Так похожи на детей,
Что и нынче ценим прелесть
Государевых затей.
Пусть стреляет пушка в небо.
Все равно она слепа.
Лишь бы «Зрелища и хлеба!»
Не кричала бы толпа.
Лишь бы строим, а не стадно.
Строй традицией храним.
...Бомбардир отдал команду
И добавил: «Холостым». *

Благодаря полуденному выстрелу городская фразеология имеет в своем арсенале одну из самых своих замечательных поговорок: «Точно, как из пушки». Один раз в сутки, в 12 часов дня, точность времени можно было проверить по полуденному выстрелу со стен Петропавловской крепости. И можно было не сомневаться, что оно было точным... как из пушки.

Эта питерская поговорка вошла даже в качестве одного из важнейших фрагментов в длящийся вот уже более трех столетий диалог двух столиц, диалог, в котором годились любые аргументы для уязвления друг друга: «В Питере пушка, которая стреляет каждый день, в Москве пушка, которая не стреляет никогда».

Полуденный выстрел давно стал одним из самых прекрасных и наиболее запоминающихся символов Петербурга. О нем и сегодня слагают частушки:

Петербургская частушка —
Искушенья для пера.
Выстрел прозвучит из пушки:
С днем рожденья, град Петра.

Казалось бы, к выстрелу привыкли не только петербуржцы, но и многочисленные туристы, и просто гости города. Однако выстрел всегда вызывает чувство радостного и неожиданного удивления, интонации которого легко уловить в школьном фольклоре:

Это где же так бывает:
Не воюют, но стреляют?

3

Считается, что Новое время как исторический период между Средневековьем и Новейшим временем в России начинается с Петра I. Отсюда широкое использование в речевом обиходе таких народных грамматических конструкций, как «До Петра», «С петровских времен» и «После Петра» в близких по смыслу значениях. В первом случае — «давно», во втором — «очень давно» и во всех трех — «временная граница эпохи, рубеж». Вот почему историю Петербурга и его мифологии мы начинаем с рождения основателя Северной столицы. Именно здесь мы впервые встречаемся с понятием времени и его значением в жизни человека.

Известно, что Петр I стал, пожалуй, единственным русским царем, так щедро и столь искренне обласканным вниманием соотечественников — современниками при жизни и потомками посмертно. Государственная историография, мало того, что следовала за ним буквально по пятам, но, выражаясь фигурально, опережала каждый его шаг. Героизация личности великого реформатора началась еще при его жизни и продолжается до сих пор. Но параллельно с официальной в народе слагалась и другая, своя, потаенная история Петра I. Она складывалась из таинственных преданий, замысловатых легенд и невероятных мифов. И если официальные жития монарха смахивали на триумфальные реляции, в которых даже поражения выглядели победами, то в фольклоре жизнь Петра по драматизму обстоятельств, нечеловеческому накалу страстей и остроте ситуаций вполне могла соперничать с трагедиями, вымышленными для актерских игр слугами Мельпомены.

Следуя неумолимой логике античной драмы, действие начиналось с пролога, в котором боги предсказывали рождение Петра Великого. В петербургском фольклоре сохранилась легенда, восходящая к Московской Руси царя Алексея Михайловича. В то время в Москве жил известный ученый человек, «духовный муж», прославившийся в хитроумной науке предсказания по звездам, Симеон Полоцкий. 28 августа 1671 года Симеон заметил, что недалеко от Марса появилась необыкновенно яркая звезда. На следующее утро звездочет отправился к царю Алексею Михайловичу и поздравил его с сыном, якобы зачатом в прошедшую ночь «во чреве его супруги царицы Натальи Кирилловны». В те времена предсказания, основанные на наблюдениях звезд, считались весьма серьезными, и Алексей Михайлович не усомнился в пророчестве. Спустя девять месяцев, 28 мая 1672 года, когда Симеон пришел во дворец, царица уже мучилась в родах. Но Симеон с необыкновенной твердостью сказал, что еще двое суток царица должна страдать. Между тем роженица так ослабела, что ее в преддверии возможной смерти причастили святых тайн. Но и тогда Симеон Полоцкий утешал царя, утверждая, что Наталья Кирилловна будет жива и через пять часов родит сына.

Еще через четыре часа Симеон бросился на колени и стал молить Бога, чтобы царица еще не менее часа терпела и не разрешалась от бремени. «О чем ты молишь? — вскричал „тишайший“ царь, — царица почти мертва». — «Государь, — прого-

ворил Симеон, — если царица родит сейчас, то царевич проживет не более пятидесяти лет, а если через час — доживет до семидесяти». Увы, именно в этот момент родился царевич, крещенный Петром — именем, определенным, как гласит то же предание, Симеоном Полоцким. Как известно, Петр умер в январе 1725 года в страшных муках, не дожив нескольких месяцев до 53 лет и оставив нам в наследство основанный им город.

Как музыка старых хроник,
Звучит именной словарь.
Дуга дороги на Кронверк,
Зеленая магистраль.
Отсюда сквозь едкий запах
Пороховых дымов
Рубили окном на Запад
Стены своих домов.
И, обливаясь потом,
Крестили судьбу свою.
Чего это в тех болотах
Понадобилось царю?
А он, лишь глазами чиркнув,
Стряхнет с треуголки пыль.
И ноги его как циркуль,
И обликом словно шпиль.
И ворот всегда распахнут
Навстречу зову дорог.
И ветром соленым пахнут
Ботфорты его сапог.
И Город, как он, над топью
От плоти царевой плоть.
По образу и подобию,
Как научил Господь. *

Фактор времени городской фольклор использовал не только в легендах о рождениях, но и в преданиях о предсказанных смертях. В запутаннейшем клубке пушкинской биографии есть одна тонкая, но нервующая ниточка, которая, кажется, тянется с первого послелицейского года. Тогда Пушкин тайно посетил модную в то время гадалку немку Шарлотту Кирхгоф, модистку, промышлявшую между делом ворожбой и гаданием. Так вот, эта ворожея будто бы обозначила все основные вехи жизни Пушкина: «Во-первых, ему будет сделано неожиданное предложение; во-вторых, он скоро получит деньги; в-третьих, он прославится и будет кумиром соотечественников; в-четвертых, он дважды подвергнется ссылке; в-пятых, он проживет долго... если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, белой головы или белого человека, которых и должен он опасаться». Как известно, сбылись все пророчества, включая возраст поэта в год его трагической гибели.

Не ускользнула от внимания фольклора и сама жизнь, протянувшаяся ограниченным сроком от рождения до смерти. Понятно естественное желание любого продлить ее. Известный царский шут Ян д`Акоста отличался философским складом ума и редким жизнелюбием. Даже на смертном одре он не забывал, что был царским шутом. Сохранился анекдот о его смерти. Несмотря на свою скупость, д`Акоста был много должен и, лежа на смертном одре, сказал духовнику: «Прошу Бога про-

длить мою жизнь хоть на то время, пока выплачу долги». Духовник, принимая это за правду, отвечал: «Желание зело похвальное. Надеюсь, что Господь его услышит и авось исполнит». — «Ежели б Господь и впрямь явил такую милость, — шепнул д`Акоста одному из находившихся тут же своих друзей, — то я бы никогда не умер».

Известен и анекдот о просьбе, обращенной Павлом I к своим убийцам в ночь с 11-го на 12 марта 1801 года, повременить, поскольку он должен выработать ритуал своей смерти и похорон.

Удобной мишенью для постоянных насмешек и издевательств был в Петербурге главноуправляющий путями сообщения и общественными зданиями Петр Андреевич Клейнмихель. Он отличался исключительной энергией в сочетании с редким невежеством, но в городском фольклоре остался наивным простачком, над которым мог посмеяться не только каждый начальник, но и всякий подчиненный. Анекдоты о Клейнмихеле сыпались как из рога изобилия. Вот наиболее характерный. Объезжая однажды Россию для осмотра железных дорог, Клейнмихель заранее назначал час представления ему подчиненных. Но каждый раз делал это по своим часам. И был крайне изумлен тем, что в Москве в назначенное им время чиновники не собрались. «Что это значит?» — вскричал разъяренный граф. «Так ведь московские часы не одинаковы с петербургскими, так как Москва и Петербург имеют разные меридианы», — ответили ему. Клейнмихель покивал головой и согласился с таким объяснением. Каково же было его удивление, когда и в Нижнем Новгороде повторилась та же история. Генерал в бешенстве закричал: «Что это такое?! Кажется, всякий дрянной городишко хочет иметь свой меридиан?! Ну, положим, Москва может — первопрестольная столица, а то и у Нижнего свой меридиан!»

Но вернемся в первую четверть XVIII века. В 1700 году для более тщательного контроля за строительством военно-морского флота Петр I основал Адмиралтейский приказ, переименованный в 1707 году в Адмиралтейскую канцелярию. Затем канцелярия была преобразована в Адмиралтейскую коллегия. С 1718 года коллегия заседала в башне над главным входом в Адмиралтейство, которое украшал высокий шпиль, или шпиц, как говорили в XVIII веке, увенчанный корабликом. Членов коллегии в народе так и называли: «адмиралы из-под шпица», то есть из Адмиралтейства. Учитывая, что в старые времена производство в чины шло исключительно медленно, полными адмиралами военные чиновники становились в весьма престарелом возрасте. В основном такими стариками и была наполнена Адмиралтейств-коллегия. Понятно, как высока была смертность в этом почтенном учреждении. Забегая вперед, напомним анекдот о том, как Николай I однажды спросил А. С. Меншикова, возглавлявшего в то время коллегия: «Отчего у тебя так часто умирают члены Адмиралтейств-совета?» — «Кто же умер?» — спросил в свою очередь Меншиков. «Да вот такой-то, такой-то...» — сказал государь, насчитав три или четыре адмирала. «О, ваше величество, — отвечал князь, — они уже давно умерли, а в это время их только хоронят».

Но вернемся к Петру I. Государь лично заседал со своими адмиралами в коллегии. По заведенной им традиции за час до полудня, то есть в 11 часов, заседания прерывались, и государь, «по сложившемуся обыкновению», подкреплял себя рюмкой анисовки, настоянной на пряных травах. Адмиралы с удовольствием следовали примеру царя. Очень скоро об этой царевой привычке стало известно в народе, и постепенно сложилась, а затем распространилась по всей Руси поговорка, обозначающая время предобеденной выпивки и закуски: «Адмиральский час пробил, пора водку пить». Повторимся, «адмиральский час» — это 11 часов.

А со временем на кораблях военно-морского флота 11 часов стали называть «адмиральским полднем», в отличие от общепринятой середины дня в 12 часов. Затем

это ставшее традиционным флотское понятие вообще сместилось и приобрело несколько иной смысл. «Адмиральским часом» стал теперь уже называться любой послеобеденный часовой отдых на корабле. Во всяком случае, именно так толкует это понятие современный «Словарь русского военного жаргона».

Иногда образ времени в городском фольклоре приобретал вполне законченный высокохудожественный метафорический характер. Известно, что Исаакиевский собор строился так долго, что салонные пересмешники, включая его в три, говоря современным языком, долгостроя того времени, шутили: «Мост через Неву мы увидим, но дети наши не увидят, железную дорогу мы не увидим, но дети наши увидят, а Исаакиевский собор ни мы, ни дети наши не увидят».

История строительства Исаакиевского собора восходит к эпохе Петра Великого, который родился в день поминовения Исаакия Далматского, малоизвестного на Руси византийского монаха, некогда причисленного к лику святых. В 1710 году в честь своего святого покровителя Петр велит построить в Петербурге деревянную Исаакиевскую церковь. Она находилась в непосредственной близости к Адмиралтейству и была, собственно, даже не церковью, а «чертежным амбаром», в восточной части которого водрузили алтарь, а над крышей возвели колокольню.

В 1717 году на берегу Невы, западнее Адмиралтейства, по проекту архитектора Г. Маттарнови начали строить новую, уже каменную Исаакиевскую церковь. Но из-за досадной ошибки в расчетах грунт под фундаментом начал оседать, и церковь пришлось срочно разобрать. В 1768 году Екатерина II, всегда считавшая себя политической и духовной наследницей Петра, начала возведение нового Исаакиевского собора по проекту архитектора Антонио Ринальди. Собор строился на новом месте, сравнительно далеко от берега. Он облицовывался олонецкими мраморами, яркий, праздничный и богатый вид которых, по мнению современников, достаточно точно характеризовал «золотой век» Екатерины. Но строительство затянулось, и к 1796 году — году смерти Екатерины — собор был построен лишь до половины.

Павел I сразу после вступления на престол приказал передать мрамор, предназначенный для Исаакиевского собора, на строительство Михайловского замка, а собор достроить в кирпиче. Нелепый вид кирпичной кладки на мраморном основании рождал у обывателей дерзкие сравнения и опасные аналогии. В столице появилась эпиграмма, авторство которой фольклор приписывает флотскому офицеру Акимову, поплатившемуся за это жестоким наказанием плетью и каторжными работами в Сибири:

Двух царствований памятник приличный:
Низ мраморный, а верх кирпичный.

В разных вариантах петербуржцы пересказывали опасную эпиграмму, прекрасно понимая, что символизирует «низ мраморный» и «верх кирпичный». Приводим только один из известных нам многочисленных вариантов:

Се памятник двух царств,
Обоим столь приличный,
Основа его мраморна,
А верх кирпичный.

А когда при императоре Александре I приступили к исполнению последнего, окончательного монферрановского проекта и начали разбирать кирпичную кладку, фоль-

клор немедленно откликнулся новой эпиграммой, в которой появился третий символ третьего царствования:

Сей храм трех царств изображение:
Гранит, кирпич и разрушенье.

4

Обращение к понятию времени в постреволюционном городском фольклоре началось с демагогических обещаний светлого будущего. Согласно одному из анекдотов, сразу после октябрьского переворота Ленин взобрался на броневик и произнес речь: «Товарищи! Революция, о которой так долго мечтали большевики, свершилась! Теперь, товарищи, вы будете работать восемь часов в день и иметь два выходных дня в неделю». Дворцовая площадь потонула в криках «Ура!». «В дальнейшем вы, товарищи, будете работать семь часов в день и иметь три выходных дня в неделю». — «Ура-а-а-а!» — «Придет время, и вы будете работать один час и иметь шесть выходных дней в неделю». — «Ура-а-а-а-а-а!!!» Ленин повернулся к Дзержинскому: «Я же говорил вам, Феликс Эдмундович, работать они не будут».

В 1921–1922 годах в голодном Петрограде вдруг появилась неудержимая страсть к семечкам. Все было буквально заплевано и завалено шелухой. Память об этом периоде городской жизни сохранилась в появившейся позднее ностальгической поговорке: «Было время — ели семя».

Сохранилась легенда о первом советском проекте защиты Ленинграда от наводнений. Будто бы по инициативе С. М. Кирова план строительства дамбы представили Сталину. Мудрый вождь поинтересовался, часто ли бывают в Ленинграде крупные наводнения. «Один раз в сто лет? — искренне удивился великий инквизитор. — Ну, у нас еще много времени».

Время не отпускало, приобретая все более и более зловещий характер. Начались массовые репрессии. В 1928 году пришли за Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Этому предшествовало мистическое происшествие, о котором он сам впоследствии не раз рассказывал. В доме неожиданно пробили часы, долгое время до того молчавшие. Отец не любил часового боя и отключил их еще до рождения сына. «Меня охватил леденящий страх, — рассказывает Лихачев, — на следующее утро за мной пришли следователи в форме».

В страшные дни ленинградской блокады пульсом живого несломленного города и символом непрерывного времени стал блокадный метроном — транслируемый по радио звук, отмечающий короткие промежутки времени равномерными ударами.

В 1926 году в Ленинграде был создан Театр сатиры. Через несколько лет к его названию добавилось слово «комедия», которое с 1935 года стало единственным. Театр комедии расположен в здании Торгового дома Елисеева на Невском проспекте, 56. В отличие от всех остальных театров, которые, как известно, начинаются с вешалки, по утверждению ленинградского фольклора 1950–1970-х годов, «Театр комедии начинается с Елисеевского магазина». В свое время это действительно было так, как в переносном, так и в буквальном смысле слова. Комедия пустых продовольственных прилавков, которая всю жизнь сопровождала советского человека, особенно остро ощущалась в Елисеевском магазине. Некогда славившийся богатством ассортимента товаров со всего мира магазин, мимо стеклянных дверей которого пролегал дорога в театр, поражал бедностью скучных и однообразных витрин.

«Театр в гастрономе», как с грустной иронией называли его ленинградцы, от магазина отделили несколько широких ступеней, которые ведут в кассовый зал театра. А когда театр готовился отметить свое 50-летие, лишённые чувства юмора простодушные смольнинские чиновники распорядились вывесить над входом в театр транспарант с двусмысленным текстом, имевшим в глазах ленинградцев равное отношение как к театру, так и к магазину: «Пятьдесят лет советской комедии».

Очередной акт советской комедии был разыгран в середине 1980-х годов, когда в Советском Союзе по инициативе ЦК КПСС была начата беспрецедентная по размаху и бессмысленности борьба с пьянством и алкоголизмом. Вырубались виноградники, закрывались заводы, ограничивалось время продажи спиртных напитков, из кинофильмов вырезались сюжеты, связанные с застольем. Предпринимались и другие, более суровые многочисленные меры партийного, административного и профсоюзного воздействия. Понятно, что это не могло не найти своего отражения в фольклоре. Остракизму подверглось самое святое — памятник Ленину. Да еще какой! Памятник вождю всемирного пролетариата у Смольного, открытый 6 ноября 1927 года к 10-й годовщине Октябрьской революции. Авторы памятника — скульптор В. В. Козлов и архитекторы В. А. Шуко и В. Г. Гельфрейх. В советской иерархии памятников Ленину этот монумент признан одним из лучших. Он стал канонизированным эталоном всех последующих памятников вождю. Его авторское повторение было установлено во многих городах Советского Союза.

Вместе с тем Ленин с характерно вытянутой рукой оказался удобной мишенью для остроумных зубоскалов и рискованных пересмешников. С тех пор о многочисленных памятниках подобного рода стали говорить: «Сам не видит, а нам кажет», а в эпоху пресловутой борьбы большевиков с пьянством безымянные авторы знаменитой серии анекдотов «Армянское радио спросили...» умело пародировали методы войны с ветряными мельницами: «Куда указывает рука Ленина на памятнике у Смольного?» — «На одиннадцать часов — время открытия винно-водочных магазинов». И действительно, если мысленно наложить силуэт памятника на циферблат часов, то вытянутая ленинская рука окажется как раз на цифре 11.

5

Время движется, скользя,
Проскользнув и ускользя.
И догнать его нельзя,
И отстать нельзя, играя.
Мы заигрываем с ним,
Становясь мудрей и строже.
Сколько лет и сколько зим
Все одно. Одно и то же.
Уходящее вчера
В наступающее завтра
Остается с нами правдой,
Правдой только до утра.
Все уходит в никуда.
Все в ничто уходит, в небыль
В ожидании суда
На земле или на небе.

Мы не против и не за,
 Только знал бы кто дорогу.
 Здесь осудят за глаза,
 И глаза в глаза — у Бога.
 И с повинной головой
 Мы идем по шатким сходням
 Между небом и землей,
 Между завтра и сегодня.
 Время входит в звездный час,
 Растворяясь в млечном дыме,
 Где у каждого из нас
 Есть свое земное Имя. *

О том, какое значение имеет лексема «время» в повседневном речевом обиходе, можно судить по количеству однокоренных, самостоятельных по смыслу грамматических конструкций, несущих на себе, выражаясь фигурально, бремя времени. И это только те, которые нашли то или иное отражение в петербургской городской мифологии.

Первыми, по времени их появления в широком бытовании, были так называемые «временщики». Это были фавориты императоров и императриц, оказавшиеся «на время» у власти и, как правило, злоупотреблявшие ею. В России наиболее известными временщиками были Э. И. Бирон и А. А. Аракчеев. Благодаря вмешательству Бирона в государственное управление императрица Анна Иоанновна, фаворитом которой он был, получила не вполне заслуженное прозвище Анна Кровавая.

Не меньшим влиянием в государстве пользовался Аракчеев. Во время частого отсутствия Александра I в столице он фактически руководил страной. Многочисленные прозвища, которыми награждал народ Аракчеева, вполне исчерпывают его противоречивую характеристику. Гатчинский Капрал и Большая Обезьяна в Мундире, Граф Огорчеев и Змей Горыныч, но в то же время Сила Андреич, Гений Зла и даже Страшилище России — видимо, это далеко не все, что сохранилось в фольклоре об Аракчееве. Он был беспрекословно исполнителен и предан, но исполнительность эта была типично солдатской, бездумной, а преданность — рабской. Идея военных поселений, которая обычно связывается с именем Аракчеева, на самом деле принадлежала не ему, как в этом уже более двух столетий нас пытаются убедить историки, а самому императору. Но именно Аракчеев довел ее до дьявольского совершенства.

Наряду с «временщиками» Россия знала и «Исполина *всех времен*». Так называли Григория Александровича Потемкина, сыгравшего выдающуюся роль в истории России второй половины XVIII века. Он был одним из самых ярких и наиболее значительных государственных и военных деятелей екатерининской эпохи. И когда в будуаре императрицы появились другие фавориты, тактичная, осторожная Екатерина, лишив Потемкина полуофициального статуса «первого джентльмена страны», вместо совместного ложа предложила ему совместную власть. Она советовалась с ним практически по всем вопросам государственной и частной жизни, включая обсуждение новых кандидатов на ее монаршую благосклонность, и всегда считалась с его мнением.

В николаевскую эпоху с легкой руки Федора Толстого, широко известного по прозвищу Американец, в петербургский язык вошло выражение из картежного обихода «Убить время». Однажды, как об этом рассказывает легенда, двое игроков — известный композитор Алябьев и некто Времев — были посажены под стражу за очень крупную игру. На языке картежников Алябьев «убил карту Времев на

60 000 рублей». В свете все поголовно начали повторять придуманный Федором Толстым каламбур: «И как вы убивали время?» Со временем узкопрофессиональный картежный термин приобрел иной, общеупотребительный смысл и стал означать заполнение ничем не занятого времени каким-либо случайным занятием, то есть тратить время попусту.

С марта 1917 года сначала в Петрограде, а затем и повсеместно в широкое употребление вошло словосочетание «*Временное правительство*», на первых порах в прямом смысле, а затем в переносном, как нечто непостоянное, неустойчивое и временное. Помните, знаменитые строчки из поэмы Владимира Маяковского «Хорошо»: «Которые тут временные? Слазь! Кончилась ваше время».

Образование новых производных от слова «время» продолжилось и в новейший период нашей истории. 19 февраля 2000 года скоропостижно скончался первый всенародно избранный мэр Санкт-Петербурга Анатолий Александрович Собчак, «последний романтик в политике», как стали называть его позже. В одну из годовщин его смерти в Музее политической истории России в память о нем была организована выставка с символическим названием «*Угадавший время*».

И, наконец, последнее. Мы все — *современники*. Независимо от того, в каком времени нам выпало жить. Будущее, едва став настоящим, тут же становится прошлым. Время движется непрерывно. Оно едино и неделимо. Вот почему городская мифология дорожит такими бесценными образцами фольклора, как не то шуточный, не то серьезный ответ студентов на вопрос: «Какой самый современный поэт в России?» — «Пушкин». И это доказывает, что нам не грозит *безвременье*. Несмотря на то, что

И на моем циферблате часов
Стрелки спешат, догоняя друг друга,
Будто стараются выйти из круга,
Вырваться из часовых поясов.
Но предсказуемый ход шестерен
Не оставляет надежд на спасенье.
Носятся стрелки за собственной тенью
С ветхозаветных далеких времен.
Неумолим и суров часовщик,
Держит на привязи время по праву.
Только по кругу. Ни влево. Ни вправо.
Без остановки хотя бы на миг.
Проектировщик. Создатель. Пророк.
Неузнаваемый. Или забытый.
Кто там сойти попытался с орбиты?
Стрелки помогут ударом в висок.
Снова свободен и чист циферблат.
Снова оправился мир от испуга.
Бабы опять нарожают солдат,
Чтобы их выбило время из круга.
Над этим не властен ни цезарь, ни смерд.
Стрелки часов указуют на цифры,
Кои слагаются в тайные шифры
Квот на рождение, жизнь и на смерть. *